

Схватился за карту, прикинул компас. Теперь мы знали, где находимся и куда идти: верстах в 30 от нас, к Западу, должна была проходить тропа, соединяющая Нелькан с Аяном.

Бросили багаж, взяли лишь ружье, котелок и топор и пошли напрямик через чащу леса.

Вышли мы из тайги похуженные, осунувшиеся, как после тяжелой болезни, но гордые тем, что побывали в сердце неприступной тайги.

На всю жизнь осталась у меня память об этом путешествии и о братской заботливости, с какой помогал мне Михаил в те дни, когда я уже не надеялся выбраться из леса.

* * *

В Якутск мы прибыли в 20-ых числах августа. Уже было известно о сараевском убийстве и об австрийском ультиматуме. Пахло порохом в воздухе.

Все кругом говорили о войне.

Но я был настолько оглушен тайгой, что в первые дни слабо реагировал на политические новости, не мог осмыслить развёртывающийся клубок событий...

Несколько дней спустя, на Лене, нам уже пришлось наблюдать картины мобилизации и проводов призывных. Война началась. И если кое-где в городах Европейской России население встретило ее кликами «ура» и коленопреклоненной молитвой за царя, в Сибири ее встречали проклятиями.

Вернувшись в Иркутск, я узнал, что почти все ближайшие товарищи проводили лето в Усолы: там были Церетели, Рожков и др. Поехал и я туда.

Как в якутской селке, все разговоры вращались здесь вокруг вопроса о войне. Но вопрос ставился уже не в плоскости гаданий о том, чем кончится война, а в плос-

кости тактических задач, вставших перед международным социалистическим движением.

Именно так, с первого дня, ставил вопрос Церетели, плохо разбиравшийся в карте военных передвижений, не разделявший охватившей обывателей страсти «полки разводить», но настойчиво, упорно искавший в газетах хоть беглых указаний, по которым можно было бы определить позицию, занятую по отношению к войне социалистическими партиями Запада.

Сквозь двойную ограду заграничной и российской цензуры до нас не доходило ни слова о выступлениях социалистических «меньшинств». Но Церетели, путем сопоставления, различных косвенных указаний, приходил к заключению, что такие «меньшинства» существуют, и в них видел спасение Интернационала и ключ к разрешению мирового кризиса, — если только эти меньшинства сумеют завоевать симпатии и доверие широких рабочих масс, увлекут их за собою и из партийной оппозиции превратятся в руководящее партийное большинство.

Припоминаю мои настроения первых месяцев войны. Я был решительным противником войны, возмущался манифестациями казенного патриотизма и проповедью ненависти к немцам, считал основной задачей социалистов в России антивоенную пропаганду. Но в то же время у меня было сильное желание попасть на фронт для ближайшего ознакомления с «лицом войны» и для агитации в пользу мира; я подумывал даже о том, чтобы пойти на фронт добровольцем, и отказался от этой затеи лишь потому, что для сельпо-поселенцев единственным средством попасть на фронт было обращение на высочайшее имя.

Не сразу согласился я с Церетели в его критике социалистических большинств Западной Европы. Первые недели войны меня прельщало такое объяснение грехопадений международного социализма:

«Все правы, так как всем кажется, что они защищаются».